

С Борисом Андреевичем Бабочкиным я встретила после того, как он поставил на сцене Малого театра пьесу А. М. Горького «Достигаев и другие».

Бабочкин не только не казался утомленным, но напротив — весь сиял от счастья. Каждая черточка его тонкого, нервного лица выражала редкое у этого требовательнейшего к себе художника чувство удовлетворения, высокой творческой радости. И я до сих пор помню наш с ним разговор о «Достигаеве».

— Что вам самому больше всего нравится в этом спектакле, Борис Андреевич? — спросила я у Бабочкина. — И кого из актеров вы хотели бы особо отметить.

Не задумавшись ни на мгновение, Бабочкин уверенно ответил:

— Всех отметить, весь постановочный коллектив, каждого исполнителя!..

Потом сказал:

— Конечно, едва начнешь думать о работе мастеров, об их самоотверженной работе над ведущими образами — и сразу видишь перед собой Гоголеву, Анненкова, Любезнова, Долматову, Ликсо. Но спектакль мы делали дружно, все вместе, как нечто единое, цельное. И, наверное, это сказалось и в его общем звучании, и в деталях, без которых Горький вообще невозможен, а в этой пьесе — особенно. Ведь она — о непреходящем. О революции и контрреволюции. О мудрости Ленина и большевиков. Об их победе...

И вот прошли годы... Ушел из жизни замечательный художник театра — Борис Андреевич Бабочкин, так уверенно и победно шедший в своем неповторимом актерском и режиссерском искусстве от одного свершения к другому...

Я не буду перечислять того, что сделал Бабочкин за свою долгую и прекрасную творческую жизнь. Когда-то и мы все навсегда полюбили героический образ Чапаева; а недавно вдруг сразу вспомнили Беловские «Плотницкие рассказы», сыгранные Бабочкиным на телевидении неповторимо по глубине интонации, по чувству верности и любви к родному народу...

И вот вышел на телевизионные экраны фильм-спектакль «Достигаев и другие». Вышел — и, может быть, неожиданно для иных зрителей, а по существу вполне закономерно — прозвучал как новое, крупное, именно сегодняшнее, ярко современное произведение, где во всю мощь обрели как бы дополнительную силу идеи Горького о ленинской, большевистской науке побеждать, об искусстве партии коммунистов доводить революцию до победы. Короче — о резервах революции. И о резервах ее противников...

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

«Горьковская правда»

ПОСТАВЛЕНО

1976, 3 апр.

БОРИСОМ

БАБОЧКИНЫМ

Да, мне лично представляется тема многосторонности резервов обеих сражающихся сторон — революции и контрреволюции — наиболее острой, даже первостепенной в этом спектакле, получившем нынче, в свете событий, недавно разыгравшихся в Чили, такое огромное жизненное значение.

Достигаевщина... Борис Андреевич Бабочкин, играя за главную роль в горьковской пьесе, отыскивал в образе своего «героя» — фабриканта Василия Достигаева — эти типические черты контрреволюции, ловко и умело приспособливающейся к любой обстановке, с тем, разумеется, чтобы потом так или иначе использовать ее в своих интересах, нанести ответный удар из-за угла и обязательно взять верх над народом, опрокинуть и уничтожить революцию...

В спектакле, где духовенство — мать Меланья — Е. Гоголева и отец Павлин — Н. Анненков — кажется грозным недругом, страшным противником простых людей, народа, и неуловимо скользкая, лисья внешность Достигаева — Б. Бабочкина, вся его вкрадчивая, предельно хитрая манера поведения, умение подладиться и уцелеть на поверхности самых бурных событий, — как же все это нынче убеждающе мощно звучит, откликаясь актуальнейшими и такими горестными «уроками» действительности.

Вот так же, пусть по-своему, притаившись, изловчившись, накапливала силы, скажем, чилийская хунта, организуя саботаж, исподволь подготавливая вооруженный мятеж, убийства прогрессивных деятелей, а потом и осуществив черный переворот, залил страну потоками крови.

...И снова вспоминаю, как страстно, убежденно говорил Бабочкин:

— В этом спектакле нет ничего «не главного». В нем все — самое главное.

Так оно и есть.

Великие произведения искусства вечны, потому что исходят из жизни, из необратимых законов борьбы классов.

Они вечны еще и тогда, когда сделаны сердцем и умом, талантом художника подлинного. В данном случае — такого неповторимого мастера русской сцены, каким был и навсегда останется в искусстве театра Борис Бабочкин.

Н. ТОЛЧЕНОВА.